

Революционные онтологии и историческая репрезентация:

«Ладомир» Велимира Хлебникова и «О понятии истории» Вальтера Беньямина

Алексей Масалов (р. 1994) – филолог, критик, куратор, преподаватель Российского государственного гуманитарного университета (Москва).

Исторический материализм закрепился как одна из центральных идей марксистской философии и часто трактуется в рамках оппозиции идеального и материального. Такую трактовку, например, дает Ленин и следующая ему советская традиция, которая понимает историческое развитие у Маркса так:

«[Движение] к всеобъемлющему, всестороннему изучению процесса возникновения, развития и упадка общественно-экономических формаций, рассматривая *совокупность* всех противоречивых тенденций, сводя их к точно определяемым условиям жизни и производства различных *классов* общества»¹.

В этом плане онтологический порядок такого развития базируется исключительно на «реальной» материи, а основой исторической репрезентации становится:

«Совокупность всех [...] столкновений всей массы человеческих обществ, каковы объективные условия производства материальной жизни, создающие базу всей исторической деятельности людей, каков закон развития этих условий»².

Показательна революционная онтология самого Маркса, в которой историческое развитие и его репрезентация рефлексированы как путь (или изображение пути) к установлению мирового коммунизма:

«На высшей фазе коммунистического общества, после того как исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни; когда вместе с всесторонним развитием индивидов вырастут и производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком, лишь тогда можно будет совершенно преодолеть узкий горизонт буржуазного права, и общество сможет

1 Ленин В.И. *Карл Маркс* // Он же. *Полное собрание сочинений*. М.: Издательство политической литературы, 1969. Т. 26. С. 57–58.

2 Там же. С. 58.

написать на своем знамени: “Каждый по способностям, каждому по потребностям!”»³.

Однако марксистская, и в целом – революционная, мысль еще первой половины XX века знает и примеры иного отношения к исторической репрезентации, и роли в ней как материальных условий, так и виртуальных⁴ (в делёзианском смысле) объектов. Так, поэма Велимира Хлебникова «Ладомир» (1920), на мой взгляд, является не только примером модернистского искусства с его тягой к утопиям и Абсолюту, но и случаем своеобразной, отличной от ленинской, трактовки марксизма и его модели исторической репрезентации. Примером рефлексии подобных установок в этом тексте становится использование марксистского понятия «труд» в смысле, близком тому, что присутствует в приведенной выше цитате, однако в свою коммунистическую онтологию Хлебников включает не только людей, но и виртуальные мифопоэтические образы:

И пространство Лобачевского.
Пусть Лобачевского кривые
Украсят города
Дугою над рабочей выей
Всемирного труда.
И будет молния рыдать,
Что вечно носится слугой,
И будет некому продать
Мешок от золота тугой.
Смерть смерти будет ведать сроки,
Когда вернется он опять,
Земли повторные пророки
Из всех письмен изгонят ять⁵.

У Хлебникова в онтологический порядок входят как люди, так и растения, животные, природные объекты, боги, исторические и мифологические персонажи, что создает коммунистическую утопию сразу на нескольких уровнях поэмы: заумного языка⁶ и его неологизмов («Это шествуют творяне, /

3 Маркс К. *Критика готской программы* // Маркс К., Энгельс Ф. *Собрание сочинений*. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. Т. 19. С. 20.

4 Для Жюль Делёза «виртуальное» также является материальным: «Виртуальный образ (чистое воспоминание) не является ни психологическим состоянием, ни сознанием: он существует за пределами сознания, во времени, и нам так же ни к чему доказывать виртуальное присутствие чистых воспоминаний во времени, как и актуальное существование невоспринимаемых объектов в пространстве» (Делёз Ж. *Кино*. М.: Ад Маргинем, 2004. С. 380).

5 Хлебников В. *Ладомир* // Он же. *Творения*. М.: Советский писатель, 1986. С. 283.

6 Понятие «заумный язык», или «заумь», было выдвинуто в манифесте Алексея Крученых и Велимира Хлебникова «Слово как таковое» (1913). На данный момент существует огромная литература по изучению фонетической, лексической и грамматической специфики подобных попыток по созданию языка, уходящего от бытовых значений, номинативной и коммуникативной функции. См.: Шкловский В. *О поэзии и заумном*

Заменивши Д на Т»), образной структуры («И идут люди, идут звери / На богороды современниц. / Я вижу конские свободы / И равноправие коров»), а также пространственно-временной парадигмы («Где Лондон торг ведет с Китаем, / Высокомерные дворцы, / Панамою надвинув тучу, их пепла не считаем, / Грядущего творцы») или же «Вот море, окруженное в чехол / Холмообразного стекла, / Дыма тяжелого хохол / Висит чуприной божества»). Тем самым марксистский материализм обрастает мифопоэтикой, а трудовая теория стоимости соединяется с геометрией Лобачевского и пантеизмом.

О своеобразной трактовке марксизма Хлебниковым вспоминают и его современники. Так, Илья Березарк, участник литературной группировки «Ничевоки», пишет:

«Меня особенно поразило знакомство Хлебникова с “Капиталом” Маркса. Он цитировал наизусть отрывки из этого замечательного труда и давал им свое, подчас оригинальное, хоть и спорное, толкование. Но самое главное – это то, что Хлебников считал себя человеком, преданным революции, призванным служить революционному народу своим поэтическим даром. Он очень живо интересовался всем происходящим в родной стране. Он хорошо понимал все события революционных лет, интересовался ими не книжно, не отвлеченно. Он хотел во всех деталях понять жизнь обновленной, как он как-то выразился, “вывернутой страны”. И для этого он странствовал то пешком, то в теплушках, то на случайных крестьянских подводах»⁷.

Из другой перспективы, несколько позднее и при других обстоятельствах, к подобной трактовке марксизма обращается философ Вальтер Беньямин в работе «О понятии истории» (1940), где центральным образом становится мифопоэтический ангел истории:

«У Клее есть картина под названием “Angelus Novus”. На ней изображен ангел, выглядящий так, словно он готовится расстаться с чем-то, на что пристально смотрит. Глаза его широко раскрыты, рот округлен, а крылья расправлены. Так должен выглядеть ангел истории. Его лик обращен к прошлому. Там, где для нас – цепочка предстоящих событий, там он видит сплошную катастрофу, непрестанно громоздящую руины над руинами и сваливающую все это к его ногам. Он бы и остался, чтобы поднять мертвых и слепить обломки. Но шквальный ветер, несущийся израя, наполняет его

языке // Он же. *Собрание сочинений. Том 1: Революция.* М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 226–244; ГАСПАРОВ М.Л. *Считалка богов. О пьесе В. Хлебникова «Боги»* // Он же. *Избранные труды. Том II. О стихах.* М.: Языки русской культуры, 1997. С. 197–211; Богомолов Н.А. «Дыр бул щыл» в контексте эпохи // Новое литературное обозрение. 2005. № 72. С. 172–192; JANESEK G. *Zaum: The Transrational Poetry of Russian Futurism.* San Diego: San Diego State University Press, 1996; и так далее.

7 БЕРЕЗАРК И. *Встречи с Хлебниковым. К 80-летию со дня рождения поэта* (<https://ka2.ru/hadisy/berezark.html>).

крылья с такой силой, что он уже не может их сложить. Ветер неудержимо несет его в будущее, к которому он обращен спиной, в то время как гора обломков перед ним поднимается к небу. То, что мы называем прогрессом, и есть этот шквал»⁸.

АЛЕКСЕЙ МАСАЛОВ
РЕВОЛЮЦИОННЫЕ
ОНТОЛОГИИ
И ИСТОРИЧЕСКАЯ
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ...

Метафоричность описания ангела создала целую традицию интерпретации этого фрагмента – от Гершома Шолема, считающего, что «в фантазмагорическом видении картина “Angelus Novus” становится для Бенямина образом его Ангела как оккультной реальности его самого»⁹, до Джорджо Агамбена, сравнивающего ангела истории Бенямина и ангела меланхолии Дюрера¹⁰, и так далее. Примечательно, что и этот мифопоэтический образ сближается с концепцией Маркса, который, согласно Хейдену Уайту, видел «исторический процесс [...] “панорамой греха и страдания”»¹¹, внутри которой искал основания для коммунистической утопии.

Такой герметичный язык и многомерность текста Бенямина, соединяющего теоретический манифест, философский трактат и художественные фрагменты, делает возможным свободное комбинирование исследовательских тезисов и мифопоэтических образов куклы, называемой «исторический материализм», упомянутого ангела истории, мессии и тому подобных. В VI тезисе Бенямин пишет об исторической репрезентации следующее:

«Исторически артикулировать минувшее не значит познать его таким, “каким оно было на самом деле”. Задача в том, чтобы овладеть воспоминанием, как оно вспыхивает в момент опасности. Исторический материализм стремится к тому, чтобы зафиксировать образ прошлого таким, каким он неожиданно предстает историческому субъекту в момент опасности. Опасность грозит и содержанию традиции, и тем, кто ее воспринимает. И для того и для другого опасность заключается в одном и том же: в готовности стать инструментом господствующего класса»¹².

Критика принципа Леопольда фон Ранке – одного из основоположников «объективной» историографии XIX века и по совместительству лояльного монархиста – важна для политического измерения исторической репрезентации у Бенямина. Этот принцип познания прошлого, «каким оно было на самом деле», и становится инструментом господствующего класса в трактовке традиции. Отсюда и опора на воспоминание и кри-

8 Бенямин В. *О понятии истории // Он же. Учение о подобии. Медиаэстетические произведения*. М.: РГУ, 2012. С. 242–243.

9 Шолем Г. *Вальтер Бенямин и его ангел // Иностранная литература*. 1997. № 12. С. 192.

10 АГАМБЕН Д. *Человек без содержания*. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 145–147.

11 УАЙТ Х. *Метаистория: историческое воображение в Европе XIX века*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2002. С. 325.

12 Хлебников В. *Ладомир*. С. 240.

тика культурных ценностей, содержащих в себе следы варварства и угнетения:

«И подобно тому, как культурные ценности не свободны от варварства, не свободен от него и процесс традиции, благодаря которому они переходили из рук в руки. Потому исторический материалист по мере возможности отстраняется от нее. Он считает своей задачей чесать историю против шерсти»¹³.

Принцип познания прошлого, «каким оно было на самом деле», становится инструментом господствующего класса в трактовке традиции. Отсюда опора на воспоминание и критика культурных ценностей, содержащих в себе следы варварства и угнетения.

К настоящему времени сложился внушительный корпус самых разных интерпретаций тезисов Беньямина¹⁴, я же обращусь к сравнению с текстом Хлебникова, для которого культурные ценности и прогресс традиции так же становятся маркерами репрезентаций господствующего класса:

И замки мирового торгова,
Где бедности сияют цепи,
С лицом злорадства и восторга
Ты обратишь однажды в пепел.
[...]
Когда сам бог на цепь похож,
Холоп богатых, где твой нож?
[...]
И пусть мещанскою резьбою
Дворцов гордились короли,
Как часто вывеской разбою
Святых служили костыли¹⁵.

Еще одним аспектом, связывающим взгляды на историю Хлебникова и Беньямина, становится образ выхваченного в момент опасности воспоминания, когда «сам борющийся, угнетенный класс [...] выступает как последний из закабаленных, как отомститель, завершающий от имени поколений поверженных дело освобождения труда»¹⁶. Эта идея, взятая у Маркса, находит

13 Беньямин В. *О понятии истории*. С. 241.

14 См., например: OSBORNE P. *The Politics of Time: Modernity & Avant-Garde*. London; New York: Pluto Press, 1995; ЖИЖЕК С. *Возвышенный объект идеологии*. М.: Художественный журнал, 1999; MOSÈS S. *The Angel of History: Rosenzweig, Benjamin, Scholem*. Stanford: Stanford University Press, 2009; АРЕНДТ Х. *Вальтер Беньямин. 1892–1940*. М.: Грюндриссе, 2014.

15 Хлебников В. *Ладомир*. С. 281–283.

16 Беньямин В. *О понятии истории*. С. 245.

свое выражение и в «Ладомире»: «Море вспомнит и расскажет / Громовым своим раскатом, / Что дворец был пляской нажит / Перед ста народов катом»¹⁷. Месть моря становится реализованной метафорой, воплощением мести угнетенного класса, которому, согласно пантеистическим взглядам Хлебникова¹⁸, и уготован ладомир, который «означает какую-то всеобщую связь мировых явлений или единство бесконечного многообразия, действительно присутствующее и неуловимое»¹⁹. А вот слова Хейдена Уайта о Марксе:

«Маркс предсказывал, что истинная история человека начнется только с победы пролетариата над его буржуазными угнетателями, с уничтожения классовых различий, увядания государства и установления Социализма как системы обмена, основанной на принятии трудовой теории стоимости»²⁰.

Таким образом, через критику историзма и культурных ценностей господствующего класса у обоих авторов возникает переход к построению революционной онтологии в ее катастрофическом, но в то же время освободительном виде. У Хлебникова это воплощается и в образах «“мировых циклонов”, “пожаров”, “потопов”, “бурь” и “землетрясений”, господствующих в поэзии революционных лет»²¹ – в частности, в анализируемой поэме, которую «как бы охватывает мировой взрыв»²². У Беньямина подобное изображение возникает через «подрыв континуума истории» посредством критикующего прогресс и представления о поступательном движении понятия «актуального настоящего», в котором проступают черты мессианского времени. Историческая репрезентация выводится из того, что «исторический материалист подходит к историческому предмету исключительно там, где тот предстает ему как монада; в этой структуре он узнает знак мессианского застывания хода событий – иначе говоря, революционного шанса в борьбе за угнетенное прошлое»²³. Славой Жижек, интерпретируя эту часть тезисов, пишет:

«Революция совершает “тигриный прыжок в прошлое” не потому, что ищет в прошлом, в традиции некую поддержку. Нет, это прошлое, повторяющееся в революции, “приходит из будущего”, это прошлое уже содержит в себе открытое измерение будущего»²⁴.

17 Хлебников В. *Ладомир*. С. 284.

18 См.: Степанов Н. *Велимир Хлебников. Жизнь и творчество*. М.: Советский писатель, 1975. С. 189–196.

19 Дуганов Р.В. *Велимир Хлебников: природа творчества*. М.: Советский писатель, 1990. С. 72.

20 Уайт Х. *Указ. соч.* С. 365.

21 Там же. С. 69.

22 Там же.

23 Беньямин В. *Указ. соч.* С. 248.

24 Жижек С. *Указ. соч.* С. 145.

Близкий подход к мессианскому времени демонстрирует и Хлебников в «Ладомире» через образы революционного насилия, которое, по мнению Хенрика Барана, есть «следствие исторического возмездия высших законов времени, которые, согласно концепции Хлебникова, восстанавливают равновесие, нарушенное неправыми делами былых поколений»²⁵. Именно такую картину и создают характерные эпизоды:

Цари, ваша песенка спета.
Помолвлено лобное место.
И таинство воинства – это
В багровом слетает невеста.
И пусть последние цари,
Улыбкой поборая гнев,
Над заревом могил зари
Стоят, окаменев.
Ты дал созвездию крыло,
Чтоб в небе мчались пехотинцы.
Ты разорвал времен русло
И королей пленил в зверинцы.
И он сидит, король-последыш,
За четкою железною решеткой,
Оравы обезьян соседыш,
И яда дум испивши водки.
Вы утонули в синей дымке,
Престолы, славы и почет.
И, дочь думы-невидимки,
Слеза последняя течет²⁶.

Подобные картины и подобное отношение к революционному насилию, а также сложное соотношение мотивов богоборчества и образов религиозного универсума («И небоскребы тонут в дыме / Божественного взрыва»; «И идут люди, идут звери / На богороды современниц») оказываются близки и Беньяминовской «современности как “актуальному настоящему”, в которое вкраплены осколки мессианского времени»²⁷, и его же понятию «божественного насилия»²⁸, которое, по мнению Оксаны Тимофеевой, «может быть жестом отчаяния, возмездия или бессилия»²⁹.

Понятие «божественного насилия» Беньямин вводит в эссе «К критике насилия» (1920–1921), где противопоставляет его насилию закона, или «мифическому насилию»:

25 БАРАН Х. *О Хлебникове. Контексты, источники, мифы*. М.: РГГУ. 2002. С. 43.

26 ХЛЕБНИКОВ В. *Ладомир*. С. 284.

27 БЕНЬЯМИН В. *О понятии истории*. С. 249.

28 ОН ЖЕ. *К критике насилия // Он же. Учение о подобии...* С. 88.

29 ТИМОФЕЕВА О. *Апологии насилия в XX веке: человеческое и нечеловеческое // Логос*. 2022. № 3. С. 115–116.

«Если мифическое насилие правоустанавливающее, то божественное – правоуничтожающее; если первое устанавливает пределы, то второе их беспредельно разрушает; если мифическое насилие вызывает вину и грех, то божественное действует искупляюще; если первое угрожает, то второе разит; если первое кроваво, то второе смертельно без пролития крови»³⁰.

Двойственное отношение к насилию можно увидеть и у Хлебникова, что отмечает Хенрик Баран: «Кровавые сцены, которые временами смакуются, в других случаях заставляют [его] ужаснуться»³¹. Иными словами, оппозиция мифического и божественного насилия, данная Беньямином, также оказывается близка Хлебникову, хотя она и выражена иначе и в других категориях.

Для Хлебникова упомянутое выше словосочетание «божественный взрыв», согласно Рудольфу Дуганову, «кажется естественным и необходимым, чтобы выразить высшую степень ужаса и величия, беспощадности и всеобщности революции; *божественный взрыв* означает одновременно разрушение и созидание, уничтожение и возрождение – в конечном счете, хаос и космос одновременно»³². В этом и видится близость хлебниковских построений, противостоящих насилию закона и мирового торгового, концепции «божественного насилия» Беньямина, когда мировой взрыв в анализируемой поэме первого приводит к утопии мессианского времени в ее финале, одновременно позитивном и разрушительном в своих образах:

И время громкого суда
Узнают истины купцы.
Шагай по морю клеветы,
Пружинь шаги своей пяты!
В чугунной скорлупе орленок
Летит багровыми крылами,
Кого недавно как теленок
Лизал, как спичечное пламя.
Черти не мелом, а любовью,
Того, что будет, чертежи.
И рок, слетевший к изголовью,
Наклонит умный колос ржи»³³.

Сравнение трансформации идей исторического материализма у Велимира Хлебникова и Вальтера Беньямина показывает, что при всей разности этих модернистских фигур у них есть

30 Беньямин В. *К критике насилия*. С. 90.

31 Баран Х. *Указ. соч.* С. 42.

32 Дуганов Р.В. *Указ. соч.* С. 70.

33 Хлебников В. *Ладомир*. С. 292.

ряд общих черт. Хлебников, увлеченный идеями трансформации языка и мира, геометрией Лобачевского и выявления общих законов времени, с одной стороны, и Беньямин, исследующий литературу, культуру и фотографию в эпоху технической воспроизводимости через синтез марксизма и еврейского мистицизма, с другой, приходят к сходному пониманию революционной онтологии, в которой реальное и виртуальное переплетаются в мессианском времени, одновременно катастрофическом и освободительном, тем самым развивая – каждый по-своему – марксистскую концепцию истории, которая «руководствуется видением *интегративных* тенденций, различных на макрокосмическом уровне»³⁴.

Хлебников и Беньямин приходят к сходному пониманию революционной онтологии, в которой реальное и виртуальное переплетаются в мессианском времени, одновременно катастрофическом и освободительном.

Такое противостояние истории как культурной ценности господствующего класса не только формирует утопии революционного возмездия за угнетенное прошлое, но и закладывает фундамент для материалистических онтологий уже постутопического характера – от номадизма Делёза и Гваттари до магического марксизма Энди Мерифилда, осмысляющих возможности сопротивления во второй половине XX – начале XXI веков.

34 Уайт Х. Указ. соч. С. 378.